

УДК 1(47)
ББК 87.3(2)522-685

Борис Вадимович Межуев

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, философский факультет, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории русской философии, старший научный сотрудник ИНИОН РАН, Россия, Москва, e-mail: borismezhuev@yandex.ru

**«Он видел особую миссию русского народа».
Почему философ Владимир Соловьев считал,
что Россия объединит все человечество?»¹**

Аннотация. Беседа корреспондента «Лента.ру» в рамках проекта «История русской мысли» с кандидатом философских наук, доцентом кафедры истории русской философии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Борисом Межуевым посвящена современному значению философии всеединства Вл. Соловьева, его общественной миссии, а также сложным аспектам его религиозного мировоззрения, вызывающим в последнее время острые споры. Обращается внимание на то, что Вл. Соловьеву удалось создать философскую систему, отвечающую глубинным чертам отечественного сознания, придать христианству общественную миссию и, с другой стороны, указать на то, что основные проблемы человечества не будут решены, если оно отвергнет Евангелия и выйдет из пределов церкви. В беседе подчеркивается, что Владимир Соловьев на протяжении практически всей жизни оставался в глазах современников мыслителем номер один в России, а впоследствии укрепил свой статус пророка тем, что предсказал грядущее объединение Европы, могущество Китая и даже противостояние западных стран с исламским миром. Подчеркивается также, что будущее человечества философ видел в объединении всех христиан, что позволит покончить с войнами, до той поры неизбежными. Ключевую роль в этом объединении, по мысли Соловьева, должна была сыграть Россия и русский народ с его идеей самоотречения и тяги к целостности. В беседе также поднимается вопрос о том, как Соловьев объяснял противоречия Запада и Востока и каким видел будущее русского народа.

Ключевые слова: универсализм, философия история, нравственная философия, теократия, идея национализма, философия всеединства

Boris Vadimovich Mezhuev

Lomonosov Moscow State University, PhD (Philosophy), Associate Professor of the Department of History of Russian Philosophy of the Faculty of Philosophy, Senior Fellow of Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION), Russia, Moscow, e-mail: borismezhuev@yandex.ru

**«He saw the special mission of Russian people.
Why did Vladimir Solov'ev believe that Russia
would unite all the mankind?»**

Annotation. The conversation of the correspondent of “Lenta.ru” within the framework of the History of Russian Thought project, with Boris Mezhuev, Associate Professor of the Department of History

¹ Беседу «Лента.ру» с Б.В. Межуевым вел Дмитрий Плотников. Беседа опубликована 11 сентября 2023: <https://lenta.ru/articles/2023/09/11/solovuev/> Перепечатка данного материала в журнале «Соловьёвские исследования» осуществляется с разрешения редакции агентства «Лента.ру»

of Russian Philosophy at the Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University, devoted to the modern significance of V. Solovyov's philosophy of unity, his social mission, as well as about the complex aspects of his religious worldview, which have recently caused acute controversy. It is reported that V. Solovyov managed to create a philosophical system that meets the deep features of the national consciousness, that he tried to give Christianity a kind of social mission and, on the other hand, point out that the main problems of humanity will not be solved if it rejects the Gospels and leaves the church. The conversation emphasizes that Vladimir Solovyov remained the number one thinker in Russia for his contemporaries throughout almost his entire life. And he strengthened his status as a prophet by predicting the coming unification of Europe, the power of China and even the confrontation of Western countries with the Islamic world. It is argued that the philosopher saw the future of humanity in the unification of all Christians, which would end the wars that were inevitable until then. And Russia and the Russian people, with their idea of self-denial and striving for integrity, had to play a key role in this unification. The conversation also tells how Solovyov explained the contradictions of the West and the East and how he saw the future of the Russian people.

Key words: universalism, philosophy of history, moral philosophy, theocracy, the idea of nationalism, philosophy of all-unity

DOI: 10.17588/2076-9210.2024.1.007-019

Дмитрий Плотников: *Что значит Владимир Соловьев для русской философии и почему его творчество актуально сегодня?*

Борис Межуев: Вл. Соловьев – создатель первой русской философской школы. Можно даже сказать, единственной крупной философской школы в России. Россия вообще небогата философскими школами, у нас есть одиночные великие мыслители, а вот школ всего три (если не считать марксизма), и две из них идут от Владимира Соловьева.

Дмитрий Плотников: *О каких школах идет речь?*

Борис Межуев: Первая из них – это школа философии всеединства, Владимир Соловьев стал ее основателем и родоначальником. Вторая – это неолейбницианство, и для этой школы Соловьев был важным катализатором, потому что один из крупных представителей этой школы – Лев Лопатин, ученик и младший друг Владимира Соловьева. Ну и третья школа – экзистенциализм, к которому Соловьев не имел отношения напрямую, но который на русской почве во многом был обусловлен попытками освободиться от соловьевского влияния.

Если в российской печати конца XIX века говорили «один философ» – без уточнения, то речь чаще всего шла о Владимире Соловьеве, он был таким философом *per se* (лат. в чистом виде) для своего времени.

Вот как Александр Пушкин – поэт с большой буквы, так философ с большой буквы – это Владимир Соловьев.

У него, кроме того, был очень яркий литературный стиль, умение ясно и осмысленно писать на отвлеченные темы, как бы грамотно выписывать мысли. В русской философии его буквально не с кем сравнить в этом отношении. Так просто, умно и очень ясно писать на русском языке о сложных материях, кроме него, практически никто не мог, хотя в России были авторы, умевшие ярко и красиво писать на философские темы (что, впрочем, не значит, что они были оригинальными философами), но для более профессионального, академического круга.

Ну и третий момент – это общественное значение Владимира Соловьева: он писал и о внешней политике, и о сугубо внутрirosсийских вещах. Владимир Соловьев пытался представить в своем лице особую версию христианского либерализма. Но это не либерализм в современном понимании. С точки зрения сегодняшнего либерализма, да и либерализма своего времени, Владимир Соловьев – несомненный консерватор, в каком-то смысле даже реакционер. Но мировоззрение Вл. Соловьева – это либерализм в самом широком смысле, потому что философ действительно боролся за свободу совести, вероисповедания и слова, за права личности, против смертной казни, против откровенных и грубых форм неравенства.

Его философия была попыткой соединить христианство и общественное служение. Мы не найдем другой фигуры, так органично сочетающей в широком смысле слова «либеральный» общественный темперамент с церковным христианством.

Все это делает его философом номер один в России. Если Пушкин заразил Россию красотой поэзии, то Соловьев заразил Россию идеалистической философией.

Владимир Соловьев породил Россию и философию. Были поэты и до Александра Пушкина, но поэзия стала русской при нем. Так же и философия в России – она существовала до Владимира Соловьева, но благодаря ему она обрела здесь дом. Философствовать в России на русском языке, оставляя в стороне Соловьева, стало невозможно.

Все в России, что как-то отмечено философским эросом, имеет отношение к Владимиру Соловьеву, отталкивается от его идей. А все, кто считает его неинтересным, почему-то оказываются либо вне России, либо вне философии.

Дмитрий Плотников: *В основе философской концепции Владимира Соловьева лежала идея о наличии у человечества общей цели развития. Какой он видел эту цель?*

Борис Межуев: Он называл эту цель «Богочеловечеством», имея в виду объединение человечества с Богом. Мысль философа состояла в том, что человечество находится в недолжном состоянии, которое обусловлено неким событием, случившимся в далеком прошлом, еще до первородного греха. Для него оно было связано с отделением сущности Софии (она же в данном случае Душа мира) от Бога.

То есть Вселенная отошла от Творца, и нужно вернуть ее в должное состояние. Для этого человечеству следует предпринять определенные усилия, аналогичные тем, что предпринял Бог в ходе «космической эволюции», приведшей к появлению жизни на Земле и позднее – разума. Эта эволюция ранее направлялась божественным Логосом, и человек был пассивным ее объектом, но с определенного момента все изменилось и человечество получило возможность самостоятельно определять свою судьбу.

Дмитрий Плотников: *При каких условиях может произойти это объединение человечества с Богом?*

Борис Межуев: Одним из условий этого должен быть синтез – объединение, идея цельности: она роднит Владимира Соловьева с романтической традицией немецкой философии.

Чтобы достичь объединения с Богом, человечество само должно объединиться. И для этого в первую очередь должны объединиться христиане, то есть христианство должно стать единым.

То, что мы сейчас имеем в виде разрозненных христианских церквей (в первую очередь католической и православной), – это недолжное состояние христианства.

О каком объединении человечества может идти речь, если сами христиане (а христианство Владимир Соловьев считал главным принципом этого объединения)

находятся в разделенном состоянии? Поэтому необходимым условием грядущего синтеза он видел объединение церквей. Но это только первый шаг. Помимо этого, философ также считал необходимым объединение христианства и иудаизма. Евреи как народ, воспринявший Христа, по его мысли, тоже должны были войти в будущее объединение, которое он впоследствии будет называть «свободной теократией».

Дмитрий Плотников: *То есть объединение человечества, по Владимиру Соловьёву, – это объединение церквей?*

Борис Межуев: Нет, помимо объединения церквей, должно состояться объединение всего общества с церковью в институциональном смысле. Что это означает?

Это означает, что не должно быть того, что называется «гражданским обществом» в смысле совокупности частных интересов, в противоположности государству как высшему принципу. Иными словами, именно церковь должна стать принципом объединения в обществе – в этом и есть смысл теократии. Церковь должна контролировать все общество в целом, притом свободно, а не как это было в старых теократиях, где церковь осуществляла насилие над людьми, подавляя все формы выражения свободной человечности.

Общество должно само, имманентным путем воцерковиться, стать единой большой церковью. Эта идея, кстати, была высказана Федором Достоевским в романе «Братья Карамазовы», и она представляла в тот момент общую их с Владимиром Соловьёвым программу.

Дмитрий Плотников: *Чего Владимир Соловьёв ожидал от такого объединения?*

Борис Межуев: Объединение по такому принципу предопределяет направление не только исторической, но и космической эволюции.

Эти идеи не только соловьёвские. В Римской католической церкви, в частности, есть направление, называемое «тейярдизм». Его сторонники были близки к мысли о том, что космическая эволюция ведет человечество к космическому объединению.

Но Владимир Соловьёв эту идею выразил очень ярко и по-русски масштабно. Хотя в 80-е годы XIX века мысль о том, что церковь должна стать чем-то большим, чем местом для молитв и совершения таинств, была довольно популярна. Владимир Соловьёв считал, что церковь – это не просто институт, но принцип организации всей вселенной.

Исходя из этого философ развивал мысль, что воцерковление общества окажется идеальным решением социальных вопросов и противоречий.

Тогда многие умы и в России, и в Европе боялись классовой борьбы, столкновения рабочих, лишенных собственности классов и классов имущих и часто не видели выхода: как избежать классового раздора и при этом сохранить динамику общества. И вот Владимир Соловьёв вслед за Федором Достоевским высказал идею, что таким решением может быть превращение государства в церковь, в «свободную теократию», внутри которой все классы объединятся и найдут свое предназначение, а отношения между классами из антагонистических станут братскими.

Дмитрий Плотников: *Но именно церковь должна сделать первый шаг к такому объединению?*

Борис Межуев: Да, для этого нужно что-то поменять, все церкви должны отказаться от того, что их разъединяет, отказаться от тех принципов, которые не дают им возможность почувствовать братское единство.

С этого момента началась серьезная полемика Владимира Соловьева с православными фундаменталистами и с националистами, которые считали, что православие обладает высшим принципом, а все остальные церкви (и в первую очередь католическая) – догматически ущербные.

Основная идея Владимира Соловьева очень христианская по своей сути – восприятие христианства как некоего не реализованного в истории принципа, который при правильном его осуществлении может изменить весь мир, все человечество. И, разумеется, это дело было для него важнее, чем интересы славянства или интересы России, хотя эти интересы он напрямую связывал с реализацией этой высшей идеи.

Дмитрий Плотников: *Русский народ должен был сыграть в ее реализации какую-то особую роль?*

Борис Межуев: Именно так. Большую часть своей жизни, особенно в ранний период творчества, когда он был страстным славянофилом и сторонником даже не просто русской, а славянской идеи, и во второй период, когда он связывал эту славянскую идею с объединением церквей, он верил в миссию русского народа реализовать идею свободной теократии.

Русский народ для Владимира Соловьева – это народ царя, народ монархический. И это важный для него момент, потому что именно русский царь, с его точки зрения, законный правопреемник византийского императора, а византийский император – истинный император, в отличие от императора германского.

Поэтому идея Третьего Рима в целом была не чужда Владимиру Соловьеву.

Концепция «Москва – Третий Рим»

Концепция «Москва – Третий Рим» появилась в первой половине XVI века. Ее автором традиционно считается монах псковского Спасо-Елеазарова монастыря Филофей. В посланиях 1523–1524 годов дьяку Михаилу Мисюрю-Мунехину и великому князю Московскому Василию III он говорил о месте «Рима земного», которое должна была занять Москва.

Филофей развивал раннесредневековую западноевропейскую идею *translatio imperii* (лат. «переход империи»). Согласно этой теории, «первый» Рим был центром цивилизации, носителем верховной власти на земле. После распада Западной Римской империи в результате нашествия варваров новым, «вторым» Римом стал Константинополь, однако в 1453 году его захватили турки-османы, и вновь встал вопрос о том, где будет центр христианского мира.

Согласно дошедшей до нас версии послания Филофея, «первые два Рима погибли, третий не погибнет, а четвертому не бывать». Этот тезис на словах закреплял за Москвой статус последнего оплота всех христиан.

В XIX веке концепцию «Москва – Третий Рим» активно использовали славянофилы. Они обосновывали ею отличный от Запада и Востока исторический – «третий» – путь России.

Еще один важный момент для Соловьева состоял в том, что русскому народу в XVIII–XIX веках довелось проживать на одной территории вместе с еврейским и польским народами. Русскую идею Владимир Соловьев усматривал в примирении православного монархизма с католицизмом и иудаизмом в рамках Российской империи, в примирении с этими двумя народами и с их национальными идеями. Поэтому именно Россия может стать прообразом теократии, даже не присоединив другие части Европы,

хотя, по всей видимости, Владимир Соловьёв надеялся, что Россия станет мировой империей или, во всяком случае, империей всевропейской.

Дмитрий Плотников: *Известно, что со временем его взгляды на концепцию всеобщего объединения начали трансформироваться. Почему?*

Борис Межуев: К концу жизни он начал пересматривать взгляды на роль России, поскольку одним из краеугольных камней своей теократии он считал свободу совести. Но в современной ему Российской империи таковой свободы не было, православие оставалось религией, обязательной для рожденных в православии, а церковь была фактически институтом в системе государственного управления. Было запрещено переходить из православия в другие конфессии, существовала и крайне раздражавшая Владимира Соловьёва практика насильственного обращения в православие неправославных народов, в особенности униатов.

Униатство и противостояние с православием

Униатство – это слияние православного и католического вероисповеданий. Причем, с одной стороны, признается главенство Папы Римского, чистилище, исхождение Святого Духа от Сына (filioque), с другой – допускается брак белого духовенства и богослужение на родном языке с сохранением восточных обрядов.

Униатство оформилось в Средние века, термин применяется преимущественно к украинско-белорусским религиозным реалиям, после того как при содействии Речи Посполитой в 1596 году была заключена Брестская уния – *соглашение, по которому духовенство православной Киевской митрополии присоединилось к Римско-католической церкви.*

Польские элиты видели церковную унию как возможность замирить православное население на территориях современных Украины и Белоруссии, тогда находившихся под властью Речи Посполитой. Однако распространение униатства породило многочисленные религиозно-общественные конфликты на украинских и белорусских землях. В итоге униатскую церковь пришлось строить, захватывая (иногда буквально) приход за приходом и монастырь за монастырем. Во второй половине XVII века польское правительство перешло к политике энергичной поддержки униатства и открытой дискриминации православия.

После разделов Речи Посполитой большая часть униатов оказалась под властью Российской империи, часть вернулась в православие добровольно, часть – по принуждению.

В правление императоров Павла I и Александра I правительство отказалось от репрессивной политики по отношению к последователям униатства, однако отток верующих из унии продолжался.

К 1870-м годам униатская церковь на территории России была фактически ликвидирована, сохранившись на польских и украинских территориях Австро-Венгрии (в Галиции и Вольни). К началу XX века в галицийском униатстве идея сближения с русским православием сменилась симпатией к украинскому национализму.

Именно борьба за униатов довольно сильно развела Владимира Соловьёва с официальной российской государственностью, хотя он до конца не отказывался от идеи самодержавия, которую считал выше западной идеи конституционного государства. Но для него это было идеальное самодержавие – «самодержавие совести», как он его называл, когда самодержец руководствуется своим высшим христианским сознанием и его власть ограничивается властью независимого от него первосвященника, каким он считал Римского Папу.

Дмитрий Плотников: *Как современники принимали Владимира Соловьева и его идеи?*

Борис Межуев: Сложно. В первую очередь потому, что русское общество тогда было расколото. Либералы боролись с консерваторами, западники – со сторонниками русского национализма.

Владимир Соловьев был противником конституции, он был глубоко равнодушен к теме народного представительства, но он был, без сомнения, оппонентом русского национализма и сторонником свободы совести. Поэтому он тяготел в конце жизни к либералам, но своим среди них так и не стал, более того – в либералах его очень многое не раздражало даже, а, полагаю, настораживало. Между тем разные сегменты общества просто хотели переманить философа на свою сторону.

В таких без преувеличения гениальных фигурах, как Владимир Соловьев, все хотят видеть мощную подпорку для реализации своих взглядов, а тонкости никого не волнуют, глубина мало кого заботит. Большая часть общества смотрела на Владимира Соловьева через призму того, с кем он сейчас временно блокируется – с либералами или консерваторами. А то, что его волнует как философа, разумеется, мало кого интересовало. Только в XX веке у него появился круг поклонников, которых волновали именно его философские идеи. А при жизни Владимира Соловьева прессу интересовало лишь то, насколько тесно он «сошелся с иезуитами, с поляками, с евреями» или, наоборот, насколько радикально он с ними порвал. А Владимир Соловьев давал понять, что не принадлежит ни к одной из партий. В либеральных журналах он публиковал статьи с обоснованием самодержавной византийской идеи, а в консервативных журналах выступал в защиту свободы совести и тем самым довольно ясно демонстрировал, что «двух станов не боец».

Дмитрий Плотников: *Какой хотел видеть Россию философ Соловьев?*

Борис Межуев: Владимир Соловьев был государственным и, безусловно, ратовал за внешнее величие империи. Но обеспечить это внешнее величие должны были перемены в самой России. Первую важную перемену он видел в отмене крепостного права, второй должна была стать отмена «духовного рабства» – превращение православия в атрибут государственной лояльности. Последнее Владимир Соловьев считал недостойным христианства и вообще видел в этом главный грех России, не позволяющий ей надеяться на осуществление той объединяющей миссии, которую он называл Русской идеей.

В конце жизни он начал и сам тяготеть к униатству. В 1896 году, судя по всему, он приобрелся к таинствам в униатской общине, но довольно странной – в ней было всего несколько человек, вероятно не больше десяти. Это были русские католики, причем византийского обряда, возглавлял общину бывший православный священник, отец Николай Толстой – человек, судя по его более поздним текстам, довольно правых убеждений.

Те русские католики, которые принадлежали к этой общине, выступали за сохранение православных обрядов и догматов, но при этом за принятие Римского Папы как главы церкви. Владимир Соловьев считал эту общину как бы воплощением в сжатом виде великой славянской идеи объединения христианских церквей через национальное объединение славянства.

Дмитрий Плотников: *Поэтому-то Владимир Соловьёв уделял так много внимания польскому вопросу?*

Борис Межуев: Да, для него Польша в составе Российской империи должна была стать мостиком между православием и католицизмом и ключом к объединению славян. Владимир Соловьёв видел в присоединении Польши при Екатерине II судьбоносный смысл. Однако он был противником политики русификации в польских землях, считая, что с польским обществом нужно находить общий язык и создавать теократическое единство внутри России.

Польский вопрос в Российской империи

По итогам трех разделов Речи Посполитой в 1772, 1793 и 1795 годах большая часть территории польского государства оказалась под властью Российской империи. Практически сразу же в Польше возникло национальное движение за восстановление независимости. В ответ на это центр проводил политику интеграции польских территорий в состав Российской империи, распространения русского языка и культуры с вытеснением польского языка и польской национальной культуры, прежде всего в административной и образовательной сферах.

В результате этого возник так называемый польский вопрос – многосложная геополитическая проблема, связанная со стремлением польского народа к восстановлению независимости и территориальной целостности Польши. Международный уровень польского вопроса заключался в стремлении как отдельных стран, так и межгосударственных объединений определить судьбу польской государственности и польского народа путем реализации различных внешнеполитических стратегий.

В Российской империи во второй половине XIX – начале XX века польский вопрос представлял собой комплекс проблем. Во-первых, он связывался с политикой интеграции поляков и польских земель в единый организм империи. Во-вторых, понимался как борьба со стремлением поляков к восстановлению своей национальной государственности и ее территориальной целостности в границах до разделов Речи Посполитой. Кроме того, польский вопрос выражался в противодействии геополитической миссии поляков в объединении славян Восточной Европы. Он оказал влияние на формирование русского, белорусского, украинского и литовского национализмов, для которых был конкурирующим национальным проектом.

Заяви Российская империя унию с Ватиканом, считал он, польский национализм утратит всякий смысл и лучшие представители Польши поддержат русскую монархию.

Собственно, точно так же и с евреями – они призваны стать органической составляющей всемирной теократии, потому что у нее должно быть три высших главы (триединство вообще одна из главных парадигм философии Соловьёва) – первосвященник, царь и пророк.

У теократии, помимо императора (то есть светского главы) и первосвященника (духовного главы), должно быть некое третье начало, «пророческое». Как это было в ветхозаветной теократии, сначала были выбраны первосвященники из колена Левия, потом был выбран царь (сперва Саул, затем Давид), однако в то же время, помимо царей и первосвященников, были люди, не вписанные ни в светскую, ни в духовную иерархию, – пророки.

Очевидно, Владимир Соловьёв полагал, что пророческое начало должно быть связано с еврейством. Думаю, в этом плане он спокойно относился к тому факту, что еврейский капитал в значительной степени владел прессой в странах Европы. Пророческое начало, по его мнению, является началом, представляющим общество. То, что во-

ждями общества часто оказываются люди еврейской национальности, его не очень заботило – это как бы естественная компенсация за исключение еврейства из средневековой теократии, предопределившее ее саморазрушение.

Пророки – это люди, способные видеть будущее, понимать будущее и возвещать его, вести человечество в правильном направлении. Им не нужна политическая власть, но они должны обладать свободой высказывания. И он считал, что в этом состоит миссия еврейского народа: из него происходят пророки, и через евреев бог как бы продолжает говорить с человечеством. Поэтому Владимир Соловьев выступал за ликвидацию черты оседлости и включение евреев в общественную жизнь империи.

Дмитрий Плотников: *Получается, Россия виделась ему как своеобразный мост между западным миром католицизма и восточным миром иудаизма?*

Борис Межуев: В некотором смысле – да. Но вообще ее роль шире, главная же задача российской государственности – это создание всемирной империи, потому что русский царь – это истинный римский император. И остальные монархи должны понять свою не очень большую легитимность по отношению к русскому царю.

Конечно, Владимир Соловьев не считал, что Россия завоюет весь мир (Константин Леонтьев, впрочем, слышал из его уст признание, что он был бы не против и такого варианта всемирного объединения). Но он считал возможным объединение народов вокруг России, своего рода Европейский союз на основании христианства и монархических ценностей, во главе которого стоял бы русский царь. Но в конце жизни он пришел к выводу, что для лидерства в этом объединении Российской империи надо повернуться на восток, чтобы участвовать в европеизации Китая. А чтобы победить Китай, следует стать по-настоящему христианским государством.

Если это будет нам по силам, Россия выполнит свою миссию, если нет – Россия как проект окажется большой исторической неудачей. Здесь философ во многом следовал идеям своего отца, знаменитого историка Сергея Соловьева, считавшего, что миссия России состоит в победе над Османской империей, в победе над Востоком, в спасении Запада от Востока (потому что сам Запад оказался на это неспособен).

Владимир Соловьев уже не считал османов проблемой, он видел главным объектом для нашего культурно-политического воздействия Китай.

Дмитрий Плотников: *Поэтому он так много писал о «восточной опасности» и «желтой угрозе»?*

Борис Межуев: Владимир Соловьев считал, что война Востока и Запада – это основной нерв европейской истории, а значит, и истории вообще, потому что он был европоцентристом и мировая история была для него историей Европы.

Первой войной между Востоком и Западом он называл Троянскую войну, где партию Востока играли троянцы, а партию Запада – ахейцы. Война же между Китаем и Европой должна была стать финальной войной между Востоком и Западом, своего рода окончательным Армагеддоном. В этом смысле Владимир Соловьев что-то действительно сумел разглядеть в нашем XXI веке, в котором противостояние Китая и коллективного Запада становится важнейшим сюжетом, но при этом он оказался удивительно слеп к историческим тенденциям, породившим век XX. Например, он не предвидел ни двух мировых войн, ни прихода правого и левого тоталитаризма, ни успеха антиколониального движения в Азии и Африке. Итак, основной вопрос для него заключался в том, в каком состоянии Европа подойдет к этой войне, сможет ли она победить Китай.

Владимир Соловьёв считал, что в силу своей расколотости, в силу отсутствия внятных духовных убеждений Европа в какой-то момент проиграет. Правда, он был уверен, что потом – уже после исторического поражения в этом самом Армагеддоне (столкновении с Китаем) – Европа объединится и все равно победит, но победит совсем не та Европа, на которую он возлагал надежды. Это будет нехристианская Европа, находящаяся под сильным влиянием секулярных ценностей и управляемая тайной элитой, состоящей из членов масонских лож. Опять же, в изображенной в «Краткой повести» картине европейского сообщества в будущем мы видим что-то до боли напоминающее нынешний Европейский союз. И эта победа секулярных сил, согласно пророчеству Владимира Соловьёва, приведет к появлению Антихриста в сердце этой лже-Европы.

Дмитрий Плотников: *Это и будет то самое исчерпание исторического потенциала Запада, о котором писал Владимир Соловьёв?*

Борис Межуев: Да, Европы и Запада в целом. Соловьёв считал, что Европа не смогла найти принцип объединения, что ее раздирают национальные интересы, что в ней принцип единства уступил место принципу разнородности (в том числе, национальной и конфессиональной). И эта национальная, да и классовая раздробленность приведет Европу к поражению в столкновении с Китаем и некоей апокалиптической катастрофе, которая в итоге создаст анти-Европу – уже без христианского основания.

Если угодно, по мнению Владимира Соловьёва, это должна быть такая постмодернистская Европа, которая будет с интересом относиться к восточным оккультным практикам, духовным поискам полубуддистского толка. Владимир Соловьёв очень опасался модной тогда теософии (даже не как религии, а как сочетания определенных духовных практик), в которой старые розенкрейцеровские идеи были приложены уже не к Египту, а к Индии и Тибету. И тут он тоже оказался почти пророком: на сегодняшнем Западе что-то подобное действительно существует в виде движения нью-эйдж. Не христианство, не материализм, а именно что-то такое неопределенное, включающее в себя представления об альтернативных мирах, загробном существовании душ и магических практиках, позволяющих оказывать влияние на реальность.

Дмитрий Плотников: *При этом Владимир Соловьёв отмечал, что проект объединения человечества имела и западная цивилизация, однако он провалился. В чем философ видел причину неудачи?*

Борис Межуев: Как раз в победе принципа множества над принципом единства. Принцип самовыражения частей, индивидуализма победил принцип синкретический. Внутри Запада не оказалось определенного интегрирующего механизма, который позволил бы объединить Европу. Этот принцип единства Владимир Соловьёв видел у России. Однако он четко отделял идеи желанной для него «всечеловечности» от космополитизма. В чем же он видел основное различие между ними?

Если понимать под космополитизмом равнодушие к Отечеству, то, конечно, Владимир Соловьёв таким космополитом не был. Он был противником национализма, но при этом и противником отречения от национальности. Нация имела для него значение большой семьи человечества, и он считал правильным для человека в первую очередь заботиться о своих соотечественниках, согражданах, как отдельный человек думает прежде всего о членах своей семьи.

Дмитрий Плотников: *Почему Соловьев критиковал национализм?*

Борис Межуев: Именно из-за того, что благодаря национализму частное превалирует над общим. Национализм для него – один из принципов дробления, когда часть не соотносится с целым, а становится выше его, противопоставляет себя ему. С точки зрения Владимира Соловьева, подлинная самость русского народа состоит в самоотречении во имя целого. Вот мы в X веке отреклись от язычества ради христианства. Потом отреклись от уединенного существования во имя участия в европейской истории. Теперь, согласно Вл. Соловьеву, мы должны отказаться от православного изоляционизма во имя свободной теократии. Это и есть наша истинная самость. И здесь опять Владимир Соловьев в каком-то смысле оказался пророком, в том плане, что он лучше националистов понимал свой народ. Прошло некоторое время, и русский народ вновь отказался от своей самости во имя коммунистической утопии, утопии интернациональной. Конечно, это было совсем не то, к чему призывал Владимир Соловьев, но какую-то тенденцию – стремление выйти за свои пределы – он уловил правильно. Однако нельзя исключить, что на этом рывке в сторону универсализма потенциал русского универсализма оказался исчерпанным. Сегодня я не вижу каких-то особых его признаков.

Дмитрий Плотников: *Красной нитью через философию Соловьева проходит идея необходимости христианского примирения, но пацифистом его назвать нельзя: он считал, что войны могут быть «необходимы и полезны». В чем различие соловьевской концепции христианского примирения и пацифизма?*

Борис Межуев: Никакого пацифизма у Владимира Соловьева и близко не было. В 1895 году он написал статью «Смысл войны», очень сложным образом отразившуюся на его политической репутации. В ней он писал, что война – это путь к миру, путь к созданию империи, которая лишь одна может обеспечить продолжительный мир. Создания этой империи Владимир Соловьев считал возможным достичь через победу европейского христианского человечества над Китаем.

Публикация статьи вызвала скандал в русском обществе, в том числе в кругах, близких к философу. Тогда были очень популярны в либеральной среде идеи Льва Толстого и люди искренне разделяли мысль о том, что все войны противоречат Евангелию, что война есть зло по самой своей природе. А Владимир Соловьев, конечно, так не считал. В последующих публикациях он еще более усиливает свое «оправдание войны», доказывает, что война может быть нравственно очистительным делом, что она заставляет любить и уважать врагов, искать взаимопонимание между народами. Здесь он прямо продолжает Достоевского, но для русских либералов, не говоря уже о народниках, все это звучало абсолютной ересью.

Эта тема продолжается и в последнем соловьевском произведении «Три разговора»: в первом же из этих разговоров пацифизм категорически осуждается, в неожиданной популярности пацифизма в Европе и России Владимир Соловьев видит предвстие философии Антихриста.

Дмитрий Плотников: *Почему Владимир Соловьев считал, что противники войны как абсолютного зла в итоге добиваются противоположных результатов?*

Борис Межуев: Владимир Соловьев считал, что война – это путь к возникновению мировой государственности, без войны такого рода государственность невозможна.

на. Безусловно, он был сторонником мира, но для него подлинный мир был возможен только при условии единой общепланетной государственности с одним центром силы, предположительно христианским императором. Эти идеи он почерпнул в «Монархии» Данте Алигьери. И те, кто выступал против этой мировой империи, для Владимира Соловьёва «работают» на катастрофу, на замедление хода истории и отдаление решения всемирно-исторических задач.

Дмитрий Плотников: *Как Владимир Соловьёв обосновывал то, что участие в войне не противоречит христианской идеологии?*

Борис Межуев: Лев Толстой очень облегчил ему задачу, потому что отрицал любую войну, в том числе и оборонительную, и на радикализации христианской идеи непротivления злу насилем он построил всю свою проповедь. Для Соловьёва это был легкий противник, потому что, споря с Толстым, он как бы защищал оборонительную войну, применение силы для защиты слабых.

Однако скрытый пафос писателя состоял в осуждении войны как естественного профессионального дела, проще говоря, в осуждении колониальных войн. Но если смотреть глубже, то нельзя не признать, что Владимир Соловьёв действительно исповедовал ту точку зрения, которую мы бы сейчас назвали «бременем белого человека». Европейская культура, по его мнению, даже расширяясь в мире посредством военной силы, как бы облагораживает нравы туземного населения.

Сейчас мы назвали бы это колониальным сознанием, безусловно. Но он был человеком не просто своего времени, он был «русским викторианцем», или, точнее, немного опоздавшим родиться либералом 1840-х годов, в духе своего отца. Он приводил в пример индийский обряд сожжения вдов, отмененный британскими колониальными властями после покорения Индии. Из этого он делал вывод, что допустимы даже колониальные войны, потому что они ведут к приобщению варварских народов к европейской цивилизации.

Дмитрий Плотников: *XIX век был эпохой соперничества великих европейских держав, среди которых была и Россия. Противоречия между ними Соловьёв видел как простое геополитическое соперничество или как цивилизационный конфликт?*

Борис Межуев: Владимир Соловьёв, в отличие от Николая Данилевского, никогда не допускал новой войны между Россией и Европой. Отметим, что он родился в год начала Крымской войны и воспринимал ее как трагическую случайность. Глубоко о ней он не задумывался, в истоки этой войны не вникал, к аргументам Николая Данилевского о неизбежной враждебности Европы по отношению к России оставался глух. Поэтому он не видел перспективы цивилизационного конфликта между Россией и европейскими странами. Вот вражду между православием и католицизмом он считал реальным фактом, и ее-то, по мнению Соловьёва, должна была снять «христианская политика», то есть правильная постановка славянской темы.

В этом примирении Запада с Востоком и состояла для него миссия славянства, русская идея. Сама необходимость примирения, разумеется, говорит о наличии существующих противоречий, которые и принесли раскол. Но если возможность примирения существует, то эти противоречия – не антагонистические.

Дмитрий Плотников: *Откуда тогда возникла бескомпромиссная идеологизованность нынешней мировой политики?*

Борис Межуев: Как я уже говорил, Владимир Соловьев проглядел XX век. Он смотрел далеко в будущее и действительно смог увидеть многие события XXI века: противостояние Запада и Китая, объединение Европы, войну с исламом, расширение нью-эйджа. А вот XX век с его столкновением секулярных идеологий он не увидел. И это нельзя свести к чисто психологической интуиции, в самой его философской проповеди было что-то, с одной стороны, пророческое, а с другой – близорукое. Он, кстати, и по зрению был близорук. И это как-то отразилось в его пророческом видении. Многие его идеи очень актуальны сейчас, но они были совершенно неактуальны для его времени. В нем я вижу пророка, который сам, может быть, не понял, что он увидел, не смог это в достаточной степени теоретически осмыслить, не смог оценить перспективу увиденного. Он предвидел XXI век, но ближайшее столетие оказалось им не замечено.

Дмитрий Плотников: *Сейчас многие страны Азии и Африки смотрят на Россию как на авангард нового миропорядка. Можно ли сказать, что на этом фоне идеи Владимира Соловьева о «всечеловечности» и роли России в реализации этой концепции вновь становятся актуальными?*

Борис Межуев: В каком-то смысле – да. Пусть та «всечеловечность», о которой думал он, и не совсем то, о чем сейчас идет речь. Она имела для него христианский характер и была неразрывно связана с христианством. Теократия ведь нужна не только для того, чтобы прекратить войны, но прежде всего для того, чтобы люди всех стран присоединились к христианской церкви.

Впрочем, и сегодняшний коллективный Запад – тоже не реализация его мечты, а, скорее, воплощение его опасений, потому что он дехристианизирован.